

Школа, рынок, общество

23 мая 2005 года

Какая система образования нужна латвийскому обществу? В очередной дискуссии цикла, организованного в 2004-2005 годах «Балтийским форумом», посвященного рассмотрению разных аспектов модели государства, близкого к социально-экономической системе Северных стран, получившего название «общества благосостояния, основанного на знаниях», приняли участие педагоги, юристы, социологи, журналисты.

В дискуссии участвуют: Виктор АВОТИНЬШ - публицист Neatkarīgā Rīta Avīze Latvijai, Татьяна БОГУШЕВИЧ - директор проектов «Балтийского форума», Алфс ВАНАГС - директор VICEPS, Игорь ВАТОЛИН - журналист газеты «Час», член правления Объединенного конгресса русских общин Латвии, Мария ГОЛУБЕВА - ведущий исследователь центра общественной политики PROVIDUS, Виктор ГЛУХОВ - учитель Рижской 40-й средней школы, депутат Рижской думы; Элмар ГРЕНС - руководитель Центра биомедицины ЛУ, Елизавета КРИВЦОВА - юрист, Юрис РОЗЕНВАЛДС - профессор ЛУ, Инта ПАЭГЛИТЕ - представитель Латвийского объединения в сфере образования взрослых, Игорь ПИМЕНОВ - член правления Латвийского объединения в поддержку школ с русским языком обучения (ЛАШОР), Анна СТРОЙ - редактор портала dialogi.lv; Илзе ТРАПЕНЦИЕРЕ - социолог, представитель Латвийского профсоюза работников образования и науки. Илзе ТРАПЕНЦИЕРЕ - социолог, представитель Латвийского профсоюза работников образования и науки. Ведет дискусию Виктор МАКАРОВ, исследователь «Балтийского форума».

- В рамках проекта «Общество благосостояния, основанное на знаниях: альтернативная стратегия развития Латвии?» мы хотим предложить латвийскому обществу по-иному взглянуть на будущее. Мы обсуждаем ежедневные проблемы, но не думаем о том, на какие основы, ценности будет опираться наше развитие в будущем. Сегодня мы хотели бы обсудить один из аспектов - образование. Можно ли сказать, что нынешняя ситуация с уровнем и доступностью образования развивается нормально и отвечает интересам общества в будущем?

Виктор ГЛУХОВ: Как образование отвечает на вызовы, которые нам ставит экономика, опирающаяся на знаниях? А кто это изучал? Где документ, где было бы сказано, какие требования выдвигаются нашей системе образования? Наверное, экономика должна ставить такие требования. Мы все хотели бы, чтобы экономика опиралась на науку, high tech. Но где эти исследования? Мне они не известны.

- Уровень образования в обществе заметно упал. Тогда как уровень образования старшего поколения остался неизменным. На мой взгляд, это довольно серьезно влияет на наше экономическое развитие, ибо нам уже не хватает рабочей силы. Если заглянем в Лиссабонскую стратегию развития Евросоюза, увидим, что в ней делается упор на развитие гибкого рынка труда. Не меняя правила игры для предприятий, а позволяя предпринимателям переqualificироваться.

Элмар ГРЕНС: Политика в области образования следует за тенденциями развития экономики и общества. К сожалению, в нынешней ситуации у Латвии нет модели развития. Здесь царит типичный либеральный капитализм. Ни Брюссель, ни Лиссабонская стратегия не помогут, если мы сами не создадим свою модель развития. В ЕС входит много разных стран, и у каждой из них своя модель развития. Государство и общество должны подчинить желаемой экономической модели всю государственную систему образования. Иначе все будет пущено на самотек, и у нас будет 80% специалистов в области социальных и гуманитарных наук, но high tech не будет никогда.

Игорь ПИМЕНОВ: На сайте партии «Новое время» министры Ина Друвиете и Кришьянис Кариньш много говорят о том, какой должна быть стратегия образования. Там сказано, что в соответствии с

Лиссабонской стратегией Латвия поставила целью строительство экономики, основанную на знаниях. То есть мы уже движемся в этом направлении.

Альфс ВАНАГС: Какое на практике есть подтверждение тому, что Латвия идет к этой цели?

Юрис РОЗЕНВАЛДС: Это скорее лозунг. Почему данный вопрос так актуален? Потому, что нас мало. Если говорить о больших странах, там этот вопрос решается сам собой. Если вы спросите - элитарное образование или high tech, то я скажу: необходимы оба. Но можно ли в Латвии без особых усилий обеспечить даже один классический университет высокого уровня? Когда мы дискутировали о стратегии университета, проректор Муйжниекс оперировал цифрой в пять миллионов. У нас в бюджете нет и половины этого. Поэтому нужны не лозунги, а реальное покрытие.

Тут возникает вопрос, откуда берутся инвестиции и как они распределяются. Я согласен, что уровень образования становится ниже. В советские годы учили критически мыслить, а не только воспринимать, что кто-то говорит. Мы это чувствуем, принимая абитуриентов на факультет социальных наук.

Илзе ТРАПЕНЦИЕРЕ: Было бы несерьезно начинать эту дискуссию с высшего образования. Надо начинать с заключительного этапа основной школы, когда начинают преподавать точные науки, выяснить, каковы программы этих наук, как они реализуются... Министерство образования действовало на основании разработанной концепции образования Латвии на 2002-2005 годы. Может быть, пришло время взглянуть, как она претворилась в жизнь?

Инта ПАЭГЛИТЕ: Я предлагаю взглянуть на общество в целом. Потребность в образовании испытывают разные группы: люди предпенсионного возраста и пенсионеры, не окончившая среднюю школу молодежь и др. Предлагаю пять тезисов:

- 1) представление о том, что у нас много дешевой рабочей силы, неоправданно. Люди, которым сейчас 50 лет, потеряли свою квалификацию, так как большинство из них получили образование 15 лет назад, а это значит, что часть основных навыков утеряна;
- 2) слишком большой упор делается на профессиональном образовании в ущерб развитию личности;
- 3) нужно равновесие между формальным и неформальным образованием. В Латвии неформальное образование долгое время оставалось без внимания. Но в контексте образования на протяжении всей жизни оно важно. Здесь есть целый ряд вопросов, которые требуют решения, например, признание достижений неформального образования в формальной системе. Во многих странах этот вопрос решен;
- 4) довольно долго образование считалось личным делом каждого, но этот принцип себя не оправдал;
- 5) очень надеюсь, что пожизненное образование будет обсуждаться на государственном уровне и будет разработана его стратегия.

Мария ГОЛУБЕВА: Есть теория о том, что реформы могут быть удачными или неудачными в зависимости от того, насколько уровень требований сопоставим с уровнем вложений. В случае с латвийской системой образования это выглядит так: у нас высокий уровень требований, но при низком уровне вложений. Конечно, у нас ограниченный бюджет, но в своем движении мы не выполняем то, что сами же запланировали. Концепция образования не реализуется, хотя ее утвердил Сейм. У нас очень много областей, в которых уровень требований чрезвычайно высок. Педагогам, получающим 100-150 латов, пришлось переквалифицироваться и самим же за это платить. Какой может быть их мотивация?

Или еще пример. Дети из школ национальных меньшинств переходят учиться в латышские школы. Для учителя работать в классе с детьми с разным родным языком - задача гораздо более трудная, чем в классе, где все дети говорят на одном родном языке. Есть ли дополнительные вложения в эту сферу? Я очень сомневаюсь.

Елизавета КРИВЦОВА: Я предлагаю не рассказывать сказки о high tech и отложить вопрос об экономике, основанной на знаниях, до тех пор, пока не будет проведен анализ экономической ситуации. А сейчас ставить цель так - Латвия как страна с дешевой, квалифицированной рабочей силой. Германия, Франция могли бы перенести сюда свои предприятия и чего-то достичь теми средствами, с какими мы здесь привыкли работать. Это может быть точкой отсчета, чтобы строить среднестатистическую стратегию. А экономику, основанную на знаниях, оставить на долю мечтателей.

Илзе ТРАПЕНЦИЕРЕ: Рабочая сила в Латвии не такая уж дешевая. Большинство инвестиций и производств перемещается не в Восточную Европу, а в Индию и Китай. Там не надо соблюдать европейские требования к охране среды. Предпринимателям с учетом требований ЕС надо взять на себя ответственность за дальнейшее образование взрослых.

Виктор АВОТИНЬШ: Нельзя ждать хорошей стратегии, если она опирается на философию исполнителей. Они ждут, когда в яму, в которой они сидят, кто-то бросит веревку, и тогда они выберутся. Это пессимистичная философия, ибо они будут ждать денег, чтобы начать мыслить. Почему у нас не может быть элитарного образования и образования high tech, которое было бы доступно всем? У нас нет другого ресурса. Вопрос в том, сколько мы готовы пожертвовать на все это.

Мы тут в идеалистических категориях говорили о сугубо деловых категориях управления: цель, требования ситуации, тенденции. А зачем это нужно? Чтобы воспитать человека? А если более практически? Что нам нужно? Нам нужен контингент или нация. Если нам нужен контингент, тогда мы можем покупать педагогическую мысль в Англии, Франции и заполнять ею брешу. Если нам нужна нация или гражданское общество, тогда мы не можем покупать педагогическую мысль, мы должны создавать ее здесь. У нас нет этой педагогической мысли.

Под элитарным образованием я понимаю не рижские колледжи, где учатся дети представителей элиты, а качественное образование. Мы - маленькая страна, и у нас можно обеспечить элитарное образование детям.

Юрис РОЗЕНВАЛДС: Что определяет спрос? Экономика? Или государство? Я все-таки сомневаюсь, нужен ли предпринимателю high tech, чтобы выжить? Скорее, это обязанность государства. Я не знаю, что значит элитарное образование. Ибо оно по определению не предназначено для всех. Но что значит «для всех»? Не тот же самый ли это коммунизм?

Необходимо, чтобы в общем потоке, который мы даем в массовом порядке, было то, что мы называем элитарным. Не в смысле избранности, а по качеству. Я очень сомневаюсь, что образование надо давать всем, ибо это невозможно из-за ограниченных ресурсов.

Виктор АВОТИНЬШ: Аллергия на слово «элитарный» - лишь оправдание тому, что общий уровень образования ориентирован не на средний уровень (среднего студента), а ниже этого уровня.

Виктор ГЛУХОВ: Сегодня очевидно, что студенты, которые могут занять хорошие места в науке, в Латвии таких мест не займут. Они уедут в США, Европу и, может быть, в Россию (хотя это редкость). Я просто знаю таких людей. Мы ориентируемся на создание квалифицированной рабочей силы. Но эти люди уедут из Латвии. Места все равно останутся пустыми. Кто их займет?

Наши лучшие люди уедут. Это закономерно для неблагополучных стран, а Латвия именно такая страна. Молодежь понимает, что знания - это капитал. Это понимают люди в Индии, Китае. Кто занимает места на университетских кафедрах США? В России тоже это очень хорошо понимают. США прекрасно отбирают и перекачивают к себе этих людей.

Анна СТРОЙ: Мы находимся на переходном этапе, и не удивительно, что мы не можем решить проблемы. Надо смириться с тем, что Латвия надолго останется страной эмиграции. Ирландия долгие годы была страной эмиграции, а не иммиграции. Но ситуация изменилась, может, и у нас получится!

- Можем ли мы доказать, что инвестиции в обучение всего общества выгодны?

Алфс ВАНАГС: Основное образование дает наибольшую отдачу, а дальше отдача снижается. Отдачу от высшего образования получает образованный человек, а их в обществе весьма незначительная доля. Основное образование должно быть доступно большинству. А высшее образование - за деньги.

- Может ли человек из Даугавпилсского района позволить себе взять кредит, не опасаясь, что не сможет его потом вернуть?

Юрис РОЗЕНВАЛДС: Я думаю, вопрос не в том, нужно ли брать кредит, чтобы получить образование, а в том, есть ли у человека из Даугавпилсского района такое же основное и среднее образование, как у человека из Риги и Рижского района?

Я хотел бы вступить за ту якобы ошибочную ситуацию, которая сложилась сейчас в Латвии, и я думаю, что сейчас она более-менее удовлетворительна. Человек из Даугавпилсского района может претендовать на бюджетное место в университете. А вот только платное образование поставит его вне этой системы. Чтобы появился один Эйнштейн, должно быть 100 000 нормально образованных людей. Если говорить о факультете социальных наук, то, к примеру, из 50 человек лишь 10 могут быть ориентированы на науку.

Илзе ТРАПЕНЦИЕРЕ: Образование должно быть доступно всем независимо от их материального положения. В нашей системе высшего образования кредит можно брать со второго семестра. Это значит, что парень из Даугавпилса или девушка из Акнисте в первом семестре учиться не могут. А если они не попадают на бюджетное место, дорога к высшему образованию для них закрыта. Это определяет нормативный акт министерства образования.

Об образовании надо говорить уже с 3-4-летнего возраста. У нас подготовка к школе является обязательной с 5-6-летнего возраста. Это значит, что сорока процентам детей, которые не ходили в детский садик, будет трудно социализироваться. И эта стигма будет их преследовать и дальше. Что мы будем делать с этими детьми? И с теми, кто уйдет из системы образования после 6-7 класса? Департамент профессионального образования при поддержке структурных фондов создает 16 групп коррекции, куда будут принимать детей с неоконченным основным образованием. Достаточно ли этого?

В Латвии пока лишь 25% детей имеют неоконченное основное образование, и я бы не хотела, чтобы мои налоги уходили на переквалификацию безработных или на преступников. Лучше пусть мои налоги уходят на развитие системы образования, на обучение в детском саду 3-4-летних детишек. В Латвии 7000 законченных с образованием 6-7 классов. Сколько из этих людей в возрасте от 20 до 40 лет учатся? 234!

Инта ПАЭГЛИТЕ: На мой взгляд, человек сам по себе - ценность. Дети - это богатство общества. Надо строить заводы, научные центры, чтобы сохранить людей на этой территории. Во времена Народного фронта кое-кто подчеркивал, что с нас хватит инженеров. У нас будет чистая, экологичная земля от Липаи до Айнажи. К осжалению, это отразилось и в государственном мышлении. На мой взгляд, мы должны просто уважать тех, кто много знает и много умеет. Очень важно, чтобы они остались в Латвии.

- Понимает ли наше общество необходимость таких инвестиций? Считает ли общество это важным?

Мария ГОЛУБЕВА: Здесь опять приходится говорить о руководстве системой. Я боюсь, что нынешняя ситуация зависит от того, кто руководит системой образования. В одной из дискуссий чиновники министерства образования говорили, что правительства меняются слишком часто, поэтому никто не выполняет никаких стратегий и правительственных указаний.

В Министерстве образования и науки доводилось слышать мнение, что нам стратегическое планирование не нужно, ибо это не записано в нормативных актах. Руководство системой находится в плачевном состоянии.

Анна СТРОЙ: Мы должны перестать чего-то ждать от государства. Мы все время ждем чего-то от тех, кто уже доказал свое бессилие. Мы должны перейти от доминирования государства в жизни каждого на более гражданскую модель. Большая модель не работает, она остается на уровне деклараций.

Сколько я плачу налогов? Достаточно ли этого, я не знаю, в пределах госбюджета я не участвую. Но я знаю, сколько я плачу репетиторам, преподавателям. Семьи сталкиваются с множеством проблем, начиная от детского сада и кончая высшей школой. Может быть, стоит изучить, как складывается семейный бюджет в семьях, где есть дети, которых надо начинать учить, работающие, которых надо переквалифицировать.

Игорь ВАТОЛИН: Когда я был молодым и жил в Советской Латвии, я читал книги и начал понимать, что некоторые вещи в реальности не такие, какими должны были бы быть. И в наши дни теория, к сожалению, не соответствует действительности. То же самое относится и к системе образования.

Для ребенка, школьника образование создает представление об окружающем мире. Образование готовит индивида к рынку труда и жизни. О подготовке школьника к рынку труда необходим отдельный семинар, где было бы четко сказано, каков спрос на рынке, и какой продукт может быть успешным на этом рынке.

Самый большой вакуум в этой картине - все же вакуум политической элиты. Создание элиты - тоже одна из функций образования. Сегодня же сложился замкнутый круг. Поэтому необходимо, например, создать одну элитарную школу, где бы обучалась будущая политическая элита, с такими ценностями, чтобы им было интересно делать что-то на благо своей страны.

Инта ПАЭГЛИТЕ: Образование нам необходимо:

1) для активного участия в рынке труда;

2) для развития личности

и

3) для активного гражданского участия.

Мы пришли к третьему пункту - формированию гражданского общества. От этого зависит то, как пойдут дела в каждом самоуправлении. Есть отдельные примеры, где организации гражданского общества сотрудничают с самоуправлением, местными предприятиями. Может быть, ключ к равновесию - между этими тремя сферами? Нам не следует забывать, что в формировании гражданского общества образование играет большую роль.

Илзе ТРАПЕНЦИЕРЕ: Проводилось много опросов об условиях жизни людей. Бедные люди с низким уровнем образования легко поддаются манипуляциям. Во время опросов они говорят: «Я не могу планировать свою жизнь, так как мне мешают различные внешние обстоятельства. Я могу участвовать в выборах, но это не имеет никакого значения, и я вообще не понимаю, что в этой жизни происходит. Если мне дадут банан, я буду голосовать за них. На следующих выборах другие дадут ананас, буду голосовать за этих». Именно поэтому образование крайне необходимо.

Мария ГОЛУБЕВА: Такие проблемы у нас будут до тех пор, пока в государственном управлении будет нынешняя система зарплат, когда большую часть заработка госсекретаря составляют договоры руководства, на которые может повлиять министр. Без реформы государственного управления мы не можем наладить и систему образования.

К сожалению, общество как клиент государственных услуг менее всего компетентно в таких сферах, как здравоохранение и образование. Люди не могут квалифицированно судить о том, является ли услуга, которую они получают, качественной. Мы не можем надеяться на то, что общество со временем станет более квалифицированным в сфере образования.

Можем ли мы и дальше платить государству налоги, ничего не требуя от него? Не упрощаем ли мы эту проблему? Мы говорим об обучении элиты, но она обучалась в советское время или в эмиграции. Нам не из чего выбирать.

Очень многие молодые люди охотнее просачиваются в партийную систему, чтобы побыстрее получить какой-нибудь влиятельный пост. Это вопрос организационный, вопрос внутренней институциональной системы, например, в Латвийском университете. Механизм воспроизводства людей, ориентированных на краткосрочные цели. Человек не думает о своей карьере через 20 лет. Что-то надо делать там, где можно реально на ситуацию повлиять.

Елизавета КРИВЦОВА: Во всех областях есть проблемы, связанные с другими проблемами. Что делать? На мой взгляд, надо смотреть не горизонтально, а вертикально. Во времена Французской революции было ясно, как развиваться. Был лозунг: свобода, равенство, братство. Современному обществу не ясна его благородная цель. Одной из таких целей могла быть государственная независимость. С одной стороны, это достигнуто, но реально в условиях глобализации это становится все более размытым. Сегодняшний исторический этап не ставит вопросы о том, что теперь делать. Свобода, равенство, братство - это достигнуто. Вопрос в том, где идея, которая удерживает нас вместе? Может быть, это и есть ответ на вопрос, почему нет стратегического мышления.

- Может ли образование и снижение безработицы стать ценностью, которая сплотила бы общество?

Элмарс ГРЕНС: Лиссабонская стратегия - то же самое, что вера Хрущева в то, что будущие поколения будут жить при коммунизме. Это проблема всей Европы. Она - старая и усталая, она уже не хочет ничем жертвовать, а мы часть Европы. Это не Юго-Восточная Азия, не Южная Корея, где жертвуют своим благополучием ради будущего. Все мы хотим всего и сразу. И это можно понять, поскольку люди, заработавшие пенсию в 30-40 латов, больше не хотят ждать.

Что происходит во Франции, Англии и Швеции, где высокий стандарт социальной поддержки, который уже никак не соответствует экономическому уровню? Общество стареет, и люди вынуждены все больше платить тем, кто уже не работает. Это застой общества. И я не вижу никаких возможностей и моделей, с помощью которых Европа достигнет чего-то вроде Лиссабонской стратегии. А наша ситуация еще хуже, и общество тоже устало.

Какой был энтузиазм получать образование во времена первой независимой Латвии и до того... Какой высокий престиж имели школа и учитель! Это было растущее общество. Латвия после Первой мировой войны оказалась посреди разгромленной Европы. Сейчас ситуация иная, разрушенными оказались Латвия и Советский Союз. Европа не заинтересована в нас как в развитии интеллигентного государства, она заинтересована только в сбыте своей продукции. Поэтому получить от Европы инвестиции в науку, в образование по сути, а не формально, чрезвычайно мало шансов. Они заинтересованы в развитии инфраструктуры, транзита, сферы услуг.

В Восточной Европе была хорошо развитая фармацевтическая промышленность. Большинство лабораторий растеряли свой научный потенциал. Первое, что было ликвидировано - это исследования, ибо их надо развивать на месте. Только сейчас, постепенно, умные страны, в том числе Венгрия, находят инвестиции для развития науки. Европа для нас - плохой, но, увы, единственный пример. Наш единственный путь - развивать отрасли с высокой добавленной стоимостью, что удержало бы наиболее активных молодых интеллектуалов в Латвии. Это единственный способ, как Латвия выдержит конкуренцию. Мы ни с кем не сможем конкурировать в области high tech, но мы не можем перейти лишь на low tech. Нам не нужно общество, основанное на знаниях, это всем нам не по силам. Даже чисто генетически способных людей - всего лишь небольшой процент. Но мы должны создать центры - высококачественные центры образования, науки, технологические центры, которые будут притягивать к себе способных людей. Если же говорить о первых уровнях образования, проблема гораздо сложнее, и это проблема учителей. Только в вузах мы начинаем студентов по-настоящему учить.

Виктор ГЛУХОВ: Я не считаю, что в системе ценностей что-то радикально изменилось. В советские времена учитель тоже не был престижной профессией. Те, кто стал учителями, помнят своих учителей. У меня в школе был позитивный пример, и я туда вернулся. Я вижу молодых людей, которые охотно вернулись бы в школу. Надо хотя бы чуть больше им платить и разрешить совмещать работу с другими должностями.

Илзе ТРАПЕНЦИЕРЕ: С престижем учителей как раз все не так плохо. Вместе с тем я не хочу согласиться с тем, что нельзя повлиять на общественную мысль. С 1982 по 1998 год мы проводили длительное исследование о ценностях молодых людей, и увидели, как они меняются. В 1982 году главными ценностями были развлечения, дружба, семья, образование. В 1998 году - это другой порядок: образование, работа, развлечения, семья.

Инта ПАЭГЛИТЕ: Если говорить об образовании народа, необходимо подчеркнуть его доступность на протяжении всей жизни. Это теснее всего перекликается с Лиссабонской стратегией. На каждом этапе жизни есть потребность в образовании, и есть пути, как ее удовлетворить, есть игроки, которые играют какую-то роль, и есть определенные требования к образованию. Вопрос во взаимных связях, в сотрудничестве. И на это все мы можем повлиять. Человек, который не окончил среднюю школу, а значит, выпал из рынка труда, может пойти в свой районный центр образования взрослых, где ему составят отдельную программу, чтобы ее выполнить и идти дальше. Этим и надо заниматься.

Татьяна БОГУШЕВИЧ: Самое неожиданное в этой дискуссии для меня - это то, что я лишь два или три раза услышала о необходимости инвестиций. Значит, похоже, деньги - не главное...